

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ XIX

ИСТОРИЯ
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ
(КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

**ББК 84(2Рос=Рус)1.49
И 89**

И 89 **История о Казанском царстве. (Полное собрание русских летописей. Том XIX). — М.: Языки русской культуры, 2000. — IV-XL, 328 с.**

ISBN 5-7859-0128-5

Необходимость репринтного воспроизведения издания «Истории о Казанском царстве» – историко-публицистической повести и выдающегося памятника русской культуры XVI века (известного также как «Казанская история», «Сказание о царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве»), – подготовленного Г. З. Кунцевичем в 1903 г., связана с его библиографической редкостью при сохраняющемся научном значении. Публикация учитывает последующие историко-текстологические исследования, базирующиеся на введенных в научный оборот новых списках, современных взглядах на происхождение и историю текста, новых классификациях списков. Уточняется датировка опубликованных списков, их современное местонахождение.

ББК 84(2Рос=Рус)1-49

© Л. А. Дубровина. Предисловие, 2000
© Издательство «Языки русской культуры». Составление, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 2000 г.	IV
Предисловие к изданию 1903 г.	XXVIII
Перечень глав Казанского летописца (по основному тексту).....	XXXIII
ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ	
(Казанский летописец)	1
Лица и места	497
Опечатки и дополнения.....	530

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 г.

История о Казанском царстве, или Казанский летописец (далее КЛ), – своеобразная историческая повесть XVI в., беспрецедентно известный в XVII–XVIII вв. памятник русской письменности, составленный анонимным автором и посвященный трехсотлетней истории Казанского ханства до завоевания его Иваном Грозным в 1552 г. Повествовательность КЛ послужила причиной одновременного существования еще нескольких его названий, как распространенных – «Казанская история», так и менее известных – «Сказание о Царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве».

Переиздание XIX тома ПСРА вызвано не только необходимостью представить читателю ставшее библиографической редкостью критическое издание КЛ, но и целесообразностью включить опубликованные списки в контекст последующих историко-текстологических исследований памятника на основе введенных в оборот новых списков, современных взглядов на происхождение и историю текста. Требуется уточнения датировка списков и их современное местонахождение.

Во время издания XIX тома ПСРА Г. З. Кунцевичу, подготовившему этот том к печати, было известно около 150 списков КЛ (им учтены КЛ около 200 библиографических ссылок в описаниях, однако многие из них ему не удалось перепроверить).

В настоящее время этот памятник известен в огромном по средневековым меркам количестве списков (их более 300), насчитывает значительную по объему библиографию его исследований и разные точки зрения на классификацию текстов списков. Вместе с тем издание, подготовленное Г. З. Кунцевичем, продолжает оставаться базовым для последующего изучения КЛ, несмотря на то что публикация списков осуществлялась и после выхода XIX тома ПСРА.

Причины распространения КЛ и постоянного научного интереса к нему обусловлены его особым местом в истории русской истории и культуры. В нем нашло отражение органичное соединение летописной формы, придающее ему вид государственно значимого произведения, опирающегося на широкий круг официальных источников, публицистического жанра, впитавшего весь опыт русской средневековой и переводной литературы, живого русского языка XVI в., а также широко популярной во все времена темы – восточной политики и освещения одного из центральных событий русской истории XVI в. – завоевания Казанского ханства как результата борьбы за укрепление Русского государства и самодержавия как его оплота. В значительной мере это и определило его воздействие на все слои русского общества на протяжении нескольких веков переписки и публикаций этого значительного по содержанию и объему памятника.

КЛ как нарративный источник был всегда весьма значим и для истории народов Среднего Поволжья. Автор КЛ, бывший казанский пленник, который провел при дворе казанских ханов 20 лет, открытый идеолог укрепления самодержавия, воспевающий Ивана Грозного, вместе с тем, лично симпатизирует многим татарам, а его расска-

зы как очевидца опираются на собственный опыт, передают колорит жизни казанских татар, изобилуют многочисленными подробностями и деталями, которых не сохранили местные источники.

По вопросу о личности самого автора, не назвавшего себя, но поместившего в предисловии автобиографические данные, до сих пор не существует однозначного мнения. Впервые предположение о принадлежности его к духовному званию было высказано В. Н. Татищевым, который изучал список с припиской, где в приписке указывалось имя священника Иоанна Глазатого¹. С. М. Шпилевский резко возражал против признания автора лицом духовным, поскольку тот получил в награду от Ивана Грозного удел, что было возможным только для служилых людей. Вместе с тем он предполагал, что Глазатый мог быть автором «Отрывка Русской летописи». Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева высказывались в пользу мнения С. М. Шпилевского, отмечая религиозную веротерпимость автора и близость мировоззрения к позициям дворянских публицистов. Н. В. Водовозов сравнивает судьбу автора КЛ с известным пресвитером Тимофеем Владимирским, который также принял мусульманство, перешел на службу к казанскому хану и был позднее прощен Иваном Грозным. По крайней мере, считает Н. В. Водовозов, духовное звание объясняет особое положение автора, принявшего мусульманство, при дворе казанского хана, а также его кругозор и широкую литературную подготовленность, которая была свойственна людям, изучившим досконально «священное писание и святоотческие творения», свободно владевшим церковно-славянским языком².

История текстологического и источниковедческого изучения КЛ и изданий его текста весьма насыщена. Зарождение интереса к КЛ в русской историографии относится ко второй половине XVIII ст., времени создания первых фундаментальных исторических исследований русской истории и истории Казанского ханства. Этот период характеризуется прагматическим подходом к письменным источникам, и в условиях дефицита источников по истории Казанского ханства КЛ рассматривался прежде всего с точки зрения «добывания фактов». Некритическое и обширное использование сведений КЛ по истории взаимоотношений Казанского ханства и Русского государства характеризует первые исторические сочинения популярного характера, прежде всего Н. Баженова, И. Михайлова, Н. П. Загоскина, А. И. Лызлова и П. И. Рычкова³.

В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин включали отдельные сведения КЛ в свои фундаментальные исторические труды достаточно осторожно в тех случаях, когда описываемые в КЛ события отсутствовали в летописях. В результате распространения многочисленных списков КЛ позднего происхождения и компилятивных по составу, целый ряд историков XIX в. отказывается использовать фактический материал КЛ⁴. Определенное отрицательное воздействие на историков оказала и первая, неудачная в археографическом отношении, публикация КЛ, которая была осуществлена в 1791 г. И. Г. Стриттером по двум спискам из собрания Московского архива Министерства иностранных дел: «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791). Опубликованное без

каких-либо комментариев, с воспроизведением текста в современной изданию орфографии, оно повторило все дефекты и ошибки списков и добавило новые.

Две последующих попытки издания списков КЛ прекратились, едва начавшись, на страницах местных журналов: «Казанского вестника» в 1810 г. и «Симбирского сборника» в 1848 г. и поэтому не оказали влияния на научное изучение КЛ.

Новая волна возрождения интереса к КЛ и начало серьезного источниковедческого и текстологического исследования памятника относятся к концу XIX – началу XX в., когда в Казани и в Санкт-Петербурге готовятся два издания памятника. Первое из них было приурочено к 350-летию взятия Казани: «Сказание о зачатии царства Казанского и о победах великих князей московских со царями казанскими преславно содеянных, и о взятии того царства Казанского от благочестиваго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Росии самодержца» (Казань, 1902). Издание осуществлялось Казанским университетом по списку, принадлежащему Ф. Т. Васильеву, и на его средства. Предисловие, указатель имен и краткое родословие монгольских и татарских ханов были подготовлены знатоком истории Казанского ханства Н. Ф. Катановым. Передача текста осуществлялась по принципу полного воспроизведения источника с сохранением его орфографии, ошибок, нумерации листов, с палеографическим описанием, копиями филиграней, что имеет сегодня большое научное значение, поскольку местонахождение списка Ф. Т. Васильева в настоящее время установить не удалось. В предисловии содержались некоторые разъяснения по поводу написания татарских нарицательных имен и слов, родословный список татарских ханов, выборочная литература для интересующихся историей Казанского ханства.

Настоящее издание связано с деятельностью Императорской Археографической комиссии. Еще в 70-х годах XIX в. подготовка издания была поручена А. Е. Викторову, однако вскоре была приостановлена, а затем передана в руки магистранта Императорского Санкт-Петербургского университета Г. З. Кунцевича. Была проведена огромная поисковая работа по учету и изучению списков КЛ, собрана значительная библиография о списках КЛ (выявлены ссылки и упоминания о 194-х списках в государственных хранилищах и частных собраниях). Г. З. Кунцевич визуально просмотрел около 100 списков, отбирая наиболее интересные для публикации, палеографически и текстологически исследовал их с позиций достижений науки конца XIX – начала XX в. Правда, поскольку Г. З. Кунцевич о некоторых списках судил исключительно по библиографическим ссылкам, часть списков была отнесена к КЛ ошибочно, а последующая судьба некоторых неизвестна. В настоящее время удалось идентифицировать только 151 из указанных Г. З. Кунцевичем списков⁵.

Одновременно Г. З. Кунцевич подготовил фундаментальную монографию, которая тесно связана с изданием рукописей КЛ, вышедшую двумя годами позже – в 1905 г. В ней подробно рассматриваются списки КЛ, анализируются содержащиеся в нем сведения общей русской истории и Казанского ханства, высказываются предположения об источниках, положенных автором в основу КЛ. Г. З. Кунцевич проводит текстологический анализ находящихся в его распоряжении списков, классифицирует их на де-

вать редакций и выделяет три наиболее древние по тексту, существенно отличавшиеся от ранее известных и опубликованных списков. Монография объясняет принципы выделения текстов для публикации в составе XIX тома ПСРА и разделение его на две части.

Две ранние редакции, известные в трех списках, по мнению Г. З. Кунцевича наиболее близки к протографу и отличались по содержанию текста тем, что композиционно, стилистически и идеологически представляли единое целое. Они незначительно переработаны по сравнению с предполагаемым авторским протографом, который не сохранился. Все эти списки он представляет в XIX томе ПСРА, в его первой части (стб. 1–183). Соловецкий список как основной: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501; в разночтениях – Срезневский: БАН, собр. И. И. Срезневского, № 24.5.9; Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

На основании реалий текста этих редакций Г. З. Кунцевич определяет время составления КЛ – 1564–1566 гг. – и вероятный круг его источников, среди которых: Хронограф 1512 г. русской редакции, Никоновская, Новгородская IV, Воскресенская, Софийская II и Львовская летописи, Летописец Начала царства, разрядные книги, космография, обширная духовно-религиозная литература, татарские предания и легенды. Ранние редакции (I и II), по мнению Г. З. Кунцевича, были составлены до 1573 г. Из ста существующих глав (число глав, за исключением кратких редакций, незначительно колебалось в зависимости от последующей переработки текста) главы «О взятии Великаго Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златяя Орды» и заключительная «Похвала царю и великому князю», существующие в тексте II редакции, по мнению Г. З. Кунцевича, не могли быть в авторском протографе⁷. Однако при публикации XIX тома им были учтены тексты, представляющие обе редакции, а отсутствующие в тексте I редакции (Соловецкий список: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501) указанные главы восполнялись по списку II редакции (Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

Другие семь редакций (III–IX) восходили к протографу, где практически половина текста первоначальной редакции после главы «Совет царя и великого князя с бояры», как предполагал Г. З. Кунцевич, была заменена по идеологическим соображениям компиляцией из Степенной книги, «Отрывка русской летописи» (ПСРА, т. VI) и других источников (среди которых Грамота митрополита Гермогена патриарху Иову о казанских мучениках Иване, Петре и Стефане). Протограф этих редакций создавался после 1592 г. (времени составления грамоты митрополита Гермогена, вошедшей в состав поздних редакций). В нем изъяты не соответствующие официальным представлениям 90-х годов XVI в. сведения, характеристики событий и отдельных лиц. Как считал Г. З. Кунцевич, поздние редакции отличались только набором позднее добавленных из Степенной книги глав и их переработкой. IX редакция (Краткий Казанский летописец) создавалась в конце XVIII в.⁸ Г. З. Кунцевич убедительно показал, что знакомство с такими списками и давало основания для утверждений многих историков о «баснословности» и «компилятивности» КЛ.

Такой противоречивый состав текста списков КЛ ранних и поздних редакций вызвал у Г. З. Кунцевича необходимость разделения публикации памятника в XIX томе ПСРЛ на две части, положив в основу два типа текста — как оригинального, так и с компилятивной частью текста после главы 49 — «Совет царя и великого князя с бояры».

В основу второй части XIX тома (стб. 188—337) положен Ундольский список (У.), датированный Г. З. Кунцевичем концом XVI — началом XVII в., который предположил, что он отражает древнейший из известных ему списков разных редакций КЛ текст (уточненная датировка — 20—30-е годы XVII в.: РДБ, ф. 310, собр. В. М. Ундольского, № 774.) Выбор списков для разночтений определялся не столько редакциями и разрядами, сколько наиболее исправными текстами. Разночтения приводятся по 7 спискам: РНБ, F.IV.134. (вар. П.); РНБ, Погодин, № 1444 (вар. Хр.); РГБ, ф. 173 (фунд.), № 98. (вар. М.); БАН, 34.6.64. (вар. А.); РНБ, Q. IV.170 (вар. В.); РГАДА, ф. 181, № 95 (вар. Д.); РНБ, Погодин, № 1484 (вар. Пг.).

Следует отметить, что это издание вызвало необычайный интерес не только со стороны историков⁹, но и со стороны литературоведов и лингвистов и положило начало специальному филологическому изучению жанра, стиля и лексики КЛ¹⁰. Филологи начали активный поиск литературных источников КЛ. А. С. Орлов, изучавший беллетристику XVI—XVII вв., обнаружив сходство в судьбах автора КЛ и Искандера, автора «Сказания о взятии Царьграда турками» (или Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда), высказывает предположение о заимствованиях неизвестного автора КЛ из Повести Нестора-Искандера, а также из позднейших летописных сводов. Он же обращает внимание на знакомство автора со Сказанием о Мамаевом побоище¹¹.

Дальнейшее текстологическое исследование списков памятника, состава, содержания и художественных особенностей принадлежит Г. Н. Моисеевой, которая вводит в научный оборот значительное количество неизвестных Г. З. Кунцевичу списков (около 60-ти). Уточняя круг источников (включив в их состав послания А. М. Курбского, посольскую переписку, местнические дела (суды), родословные книги и др.) и время возникновения КЛ (1554—1555 гг.), Г. Н. Моисеева опротестовывает суждение А. С. Орлова о заимствованиях КЛ, высказывая доверие к автобиографическим данным, подтвержденным самим повествованием¹². Г. Н. Моисеева называет 79 новых списков, однако среди них есть и описанные Г. З. Кунцевичем в его монографии¹³.

Придерживаясь той точки зрения, что редакцией можно считать не любое сознательное изменение текста, а только то, что существенно меняет политическое назначение памятника, Г. Н. Моисеева разделяет списки на две редакции, а внутри второй выделяет 7 групп в зависимости от окончания КЛ. В особую группу выделены списки, часть текста которых утеряна. II редакция соответствует III—IX редакциям Г. З. Кунцевича, и по мнению Г. Н. Моисеевой, возникает после 1592 г. и характеризуется «политической» переработкой текста, когда вторая, оригинальная половина текста заменяется указанными официальными источниками. В целом основные выводы относительно времени создания ранних и поздних редакций у Кунцевича и I и II редакций у Моисеевой близки друг другу.

Вместе с тем Г. Н. Моисеева подвергла сомнению некоторые предположения Г. З. Кунцевича относительно состава авторского текста, и прежде всего инородности глав, посвященных завоевательной политике Ивана III («О взятии Великого Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златяя Орды») и заключительной главы «Похвала царю и великому князю», посвященной Ивану Грозному, которые Г. З. Кунцевич считал позднейшей вставкой. Г. Н. Моисеева считает эти главы стилистически и композиционно близкими к основному тексту. Позднее те же предположения относительно «Похвалы» подкрепляет дополнительными аргументами С. И. Кокорина.

На основании анализа списков КЛ I редакции Моисеева выделяет надревнейший (ИРАИ, собр. В. Н. Перетца, № 98) и осуществляет его публикацию под названием «Казанская история» как наиболее соответствующим жанру КЛ¹⁴. По классификации Г. З. Кунцевича Перетцовский список принадлежит I редакции, опубликованной в первой части XIX тома ПСРА. Издание содержит краткий археографический обзор и перечень списков КЛ, просмотренных Г. Н. Моисеевой. На основании своих предположений о первоначальной редакции КЛ Г. Н. Моисеева производит частичную «реконструкцию» текста с целью его приближения к авторскому, в текст вводятся указанные три главы («О взятии Великого Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златяя Орды» — из списка ГПБ, F.IV.578), а также опускает фрагменты, которые, по ее мнению, не могли быть в составе авторского текста. Такой подход вызвал возражения у С. И. Кокорина¹⁵.

Вклад в дальнейшее исследование источников текста ранних редакций принадлежит А. С. Насонову, который обнаружил неизвестный общий для Летописца начала царства (который Г. З. Кунцевич считал источником КЛ) и КЛ документ — Троиское сказание о взятии Казани в 1552 г.¹⁷ В свою очередь, филологи указывают на знакомство автора с историческими песнями (М. Н. Сперанский, В. К. Соколова, В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов) и со Словом о погибели Русской земли (Д. Н. Альшиц).

В 1959 г. художественное издание памятника в переводе на современный русский язык на основании списка, опубликованного Г. Н. Моисеевой, осуществил Н. В. Водозов¹⁸.

Заметную роль сыграли литературоведческие исследования Т. Ф. Волковой, изучавшей целенаправленную работу автора по созданию единого сюжета, отражающего его субъективную историческую концепцию казанской победы. Т. Ф. Волкова, присоединяясь к мнению А. Н. Насонова о троичном источнике, считает его непосредственным источником КЛ, а также исследует знакомство автора с жанром хождений, Историей о великом князе Московском А. М. Курбском и др.¹⁹ В 1985 г. Т. Ф. Волковой был подготовлен к изданию в серии «Памятники литературы Древней Руси» текст наиболее полного списка КЛ I редакции по классификации Г. Н. Моисеевой и В. А. Кучкина, не известного Г. З. Кунцевичу (ГПБ, Ф.IB.578), осуществленному в 1988 г. Текст исправляется по опубликованному Г. Н. Моисеевой Перетцовскому списку, переводится на современный русский язык (Т. В. Волкова) и снабжается комментарием (И. А. Евсева)²⁰.

В 60-х годах текстологию и историю КЛ как памятника публицистической мысли XVI в., обосновывающего самодержавную внешнеполитическую деятельность Русского государства, рассматривали и западные ученые, прежде всего Эдвард Кинен²¹, Франк Кэмпфер²² и Ярослав Пеленский²³.

Э. Кинен на основании стилистического анализа опубликованных Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой списков высказал предположение, что КЛ создавался в несколько этапов и как законченное произведение возник в 1626–1640 гг. Первый этап истории текста КЛ, по его мнению, относится ко времени последних лет самостоятельного существования Казанского ханства до его завоевания и заключался в сборе автором материала и соответствующей его обработке. Второй этап наступил во второй четверти XVII в., когда весь собранный автором материал подвергся переработке новыми редакторами, в результате которой возникли известные нам сегодня редакции КЛ. Э. Кинен предположил, что протограф второй редакции (или поздних редакций Кунцевича и II редакции Г. Н. Моисеевой) по тексту ближе к «оригиналу», чем протограф первой (соответственно – ранних редакций Г. З. Кунцевича и I редакции Г. Н. Моисеевой). Переработка текста, по мнению Кинена, носила сугубо литературный характер и гораздо менее политический (как считала Г. Н. Моисеева). Вслед за Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой, он считал автора КЛ выходцем из приказных дьяков²⁴.

Выводы Э. Кинена были взяты под сомнение Ф. Кэмпфером и Я. Пеленским²⁵.

Рассматривая КЛ как один из основных историографических источников XVI в., Ф. Кэмпфер довольно подробно останавливается на его текстологическом изучении. Отдавая предпочтение классификации списков, предложенных Г. З. Кунцевичем, Ф. Кэмпфер, вместе с тем, принимает некоторые выводы Г. Н. Моисеевой в части характеристики идеологии и публицистической направленности КЛ и рассматривает КЛ не как документальный исторический источник, а как памятник великодержавной идеологии, обосновывающей (вместе с такими памятниками русской историографии, как Летописец начала царства, Никоновская летопись, Царственная книга, Степенная книга, переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского и др.) необходимость покорения Казанского ханства. Ф. Кэмпфер перевел КЛ и подготовил его издание на основании публикации Г. Н. Моисеевой.²⁶

С исследованием Ф. Кэмпфера перекликаются и взгляды Я. Пеленского, который хотя и интересуется преимущественно идеологическими обоснованиями завоевания Казанского ханства, рассматривает некоторые текстологические особенности КЛ по исследованиям и публикациям Г. З. Кунцевича, Г. Н. Моисеевой, Э. Кинена и Ф. Кэмпфера, приняв в целом текстологическую концепцию Г. З. Кунцевича. Анализируя взгляды Э. Кинена на дату окончательного оформления и классификации КЛ, Я. Пеленский отдает предпочтение точке зрения Г. З. Кунцевича и Г. Н. Моисеевой на авторский текст (1564–1565 гг.), относит осуществление первой переработки текста после смерти Ивана Грозного к 1584–1592 гг., а возникновение бесчисленных специфических переработок текста – к XVII в.

Поскольку текстологические концепции Г. Н. Моисеевой, Т. Ф. Волковой, Э. Кинена и Ф. Кэмпфера были построены на изучении только нескольких списков I редакции, которая исходно понималась как наиболее древняя по тексту и не учитывала наличия текстов других списков, трудно было выйти из круга спорных вопросов по поводу не дошедших до нашего времени авторского текста и протографических списков КЛ, зависимости и происхождения текстов дошедших до нас списков. Поэтому возникла потребность продолжить начатое Г. З. Кунцевичем исследование КЛ по всем доступным спискам. Выявление и идентификация 270 списков КЛ, в том числе указанных Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой, и открытых новых 59 списков (в том числе 2 списка, соответствующих I редакции Г. З. Кунцевича и I редакции Г. Н. Моисеевой: НБ Саратовского государственного университета, № 886 и ГИМ, Воскресенское собр., № 155), а также их историко-текстологическое исследование и классификация были проведены Л. А. Дубровиной. Все списки были изучены палеографически и кодикологически, проведен текстологический анализ с целью установления времени составления и происхождения, среды бытования, взаимосвязей текстов списков и особенностей изменений текста в разные периоды времени. Такой подход позволил по-новому посмотреть на происхождение редакций и классифицировать списки на основе изменений и развития текста всех редакций.

Если Г. З. Кунцевич за основу понятия «редакция» брал существенные по объему изменения текста и расположение глав — выписок из Степенной книги, а Г. Н. Моисеева — только изменения, существенно меняющие политическое назначение текста, здесь редакция рассматривается как совокупность сознательных и целенаправленных изменений, влияющих на содержание, структуру и состав текста. На основании проведенного сопоставительного анализа текстов всех выявленных списков, наряду с редакциями, предложена более крупная классификационная категория — тип (произведение разделено на три типа, в зависимости от состава текста до и после главы «Совет»), включающая в себя несколько редакций. Внутри редакций в зависимости от изменений текста выделены изводы.

Первый тип представлен одной редакцией, возникшей после 1584 г. — в начале XVII в. в шести списках, соответствующих I редакции Г. З. Кунцевича и некоторым спискам первоначальной редакции Г. Н. Моисеевой. В этой редакции по сравнению с авторским текстом произведены некоторые сокращения в первых 27 главах, в том числе опущены пять глав (2–6), посвященных истории взаимоотношений Русского государства и Золотой Орды, известных из всех других редакций (которые Г. З. Кунцевич считал позднейшей вставкой, а три из них, указанные выше, Г. М. Моисеева считала частью авторского текста). Из свидетельств принадлежности этих глав к протографу КЛ назовем главные: их можно найти в главах «О первом взятии Казанском» и «О втором взятии Казанском», где сохранились отсылки на отсутствующий текст: «И тако бысть отовсюду зло угнетение Златой Орде оной яко же прежде речешя» (КИ, с. 49) и «Сей же взя великий Новград яко же впреди сказася» (КИ, с. 57–58).

Изменен рассказ о первом основании (Старой) Казани, которое в протографе приписывалось золотоордынскому преемнику Батгя хану Саину в 50-х годах XIII в., а в I редакции – болгарскому хану Саину в 1177 г. (в некоторых списках – 1172, 1175 гг.) – периоду, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Рассказ об основании Казани Саином Золотоордынским содержится в отсутствующей главе «О великом князе Ярославле» и в присутствующей в I редакции I типа главе «О втором начале Казанского царства». В последней прямо указывается на отсутствующий текст и на то, что и во второй раз Казань основывается золотоордынским (а не болгарским) ханом: «от Златые орды злая ветвь произыде Казань, горький плод изнесе; зачася от другого царя ордынский» (КИ, с. 74). Заменяя Саина Ордынского на Саина Болгарского редактор, который для объяснения появления Саина Болгарского в тексте вводит фразу «Бысть же на Каме старый град, именем Брягов», однако, очевидно по невнимательности, не устраняет присутствующий во всех остальных списках первого, второго и третьего типов повтор фразы «Ту же был на Каме старый град именем Брягов болгарский», а также «И любляше царь (новый город Казань), и часто сам от стольнаго своего града Сарая приходяще и живяще в нем» (КИ, с. 47, 48).

Кроме того, введены дополнительные завершающие повествование главы «О хождении к Казани» и «Похвала», составленные после смерти Ивана Грозного в форме некролога, отсутствовавшие в протографе, который логически и по анализу текста завершался главой «О взятии Казанском, и о трудах, и о скорбех царя и великого князя». Общее количество глав I редакции первого типа – 94. Появление этой редакции могло быть вызвано внешнеполитической обстановкой и попыткой нейтрализовать претензии Крыма и Турции на Казань и Астрахань как татарские «юрты» в 70–90-х годах XVI в. и развитием концепции исторической преемственности Киевской Руси и Русского централизованного государства²⁷.

Редакции второго типа образуют 259 списков, представляющие 18 редакций (в том числе списки, представленные Г. З. Кунцевичем в III–IX редакциях и «позднейшие» редакции Г. Н. Моисеевой). Протограф редакций второго типа («поздних» редакций Г. З. Кунцевича и II редакции Г. Н. Моисеевой), не дошедший до нашего времени, был составлен, как справедливо считали Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева, после 1592 г., и скорее всего, в 10-х годах XVII в. В недошедшем протографе этих редакций представлен иной рассказ не только об основании, но и о взятии Казани, после главы «Совет», а также утрачен еще один фрагмент текста из его первой части с рассказом о гибели князя Чури из главы «О восставшем мятежи в Казани и о убиении князя Чюри».

Ряд разночтений и наблюдений над изменениями текста списков разных редакций свидетельствует о дефектности протографа редакций II типа и о случайности утраты текста после главы «Совет», а не о сознательном политическом изменении текста, как предполагали Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева. Это положение имеет принципиальное значение для понимания истории текста КЛ и его переработок.

Протограф редакций II типа возникает, скорее всего, на волне общего оживления социально-политической жизни в Русском государстве. Во всяком случае, не изве-